

Вольский А.Л.

**ПРОЕКТ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА В КНИГЕ ЮЛИУСА ЛАНГБЕНА
«РЕМБРАНДТ КАК ВОСПИТАТЕЛЬ»[©]**

*Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена,
Россия, Санкт-Петербург, volskij@mail.ru*

Аннотация. Вторая половина XIX века в Европе проходит под знаком глубокого кризиса культуры и религии, в основе которых лежит кризис представлений о человеке. Вопреки научно-техническому прогрессу и социальным реформам человек все сильнее чувствовал свое метафизическое одиночество в мире секуляризованной культуры. В эпоху материализма и позитивизма идея о метафизической свободе человека, которой его наделил романтизм, утратила свою очевидность. Воспитание нового человека – ключевая проблема философской антропологии, особенно актуальная в эпоху декаданса XIX в. Один из наиболее влиятельных проектов воспитания нового человека был предложен немецким искусствоведом и философом Ю. Лангбеном в книге «Рембрандт как воспитатель». Лангбен как сторонник консервативной революции видел путь обновления современной культуры в возвращении к ее первоначалам, которые лежат в барочной культуре Нового времени и персонифицированы в фигуре Рембрандта. Согласно Лангбену, именно Рембрандт передает сущностные качества немецкой души – индивидуализм и дуализм. Миологизированная фигура Рембрандта как архетип немецкой идентичности рассматривается на фоне других констант немецкого национального мифа – искусства, культуры, цивилизации, становления, оппозиции музыки и политики. В качестве «русской» параллели к книге Лангбена рассматривается статья В. Ф. Эрна «От Канта к Круппу».

Ключевые слова: Лангбен; Рембрандт; эстетический миф; дуализм; индивидуализм.

Получена: 19.01.2025

Принята к печати: 25.04.2025

Volskiy A.L.

The project of the new man in *Rembrandt as Educator*
by Julius Langbehn[©]

Herzen State Pedagogical University of Russia,
Russia, Saint Petersburg, volskij@mail.ru

Abstract. The second half of the 19th century in Europe was marked by a profound crisis in culture and religion, rooted in a broader crisis concerning conceptions of humanity. Despite advancements in science and technology, as well as significant social reforms, individuals increasingly experienced a sense of metaphysical solitude within the secularized cultural landscape. In an era dominated by materialism and positivism, the idea of human metaphysical freedom – once evident in the spirit of romanticism – gradually lost its self-evidence. The formation of the ‘new man’ emerged as a central issue in philosophical anthropology, particularly within the decadent milieu of the late nineteenth century. One of the most influential projects for shaping this new human ideal was proposed by the German art historian and philosopher J. Langbehn in his book *Rembrandt as Educator*. Langbehn, an advocate of the conservative revolution, envisioned cultural renewal through a return to its origins – specifically, the baroque culture of the New Age, embodied in the figure of Rembrandt. According to Langbehn, Rembrandt exemplifies the essential qualities of the German soul, namely individualism and dualism. The mythologized figure of Rembrandt, constructed as an archetype of German identity, is examined in relation to other foundational elements of the German national myth – art, culture, civilization, *Werden*, and the opposition between music and politics. Additionally, V.F. Ern’s article *From Kant to Krupp* is considered as a ‘Russian’ counterpart to Langbehn’s work.

Keywords: Langbehn; Rembrandt; aesthetic myth; dualism; individualism.

Received: 19.01.2025

Accepted: 25.04.2025

Финал XIX века, как и финал XVIII-го, проходил под знаком кризиса культуры и религии, которые, в свою очередь, были следствиями кризиса антропологического. Вопреки очевидным достижениям научно-технического прогресса и социальных реформ человек все сильнее ощущал свою слабость и беспомощность. Идеи метафизической свободы и суверенной личности, которыми его наделил романтизм, в эпоху господства материализма и позитивизма утратили свою очевидность. Как учил И. Тэн (Hippolyte Adolphe Taine, 1828–1893), человеку только кажется, что он свободен, на самом же деле его мысли и поступки детерминированы

естественными и социальными причинами – средой, временем и расой, которые управляют им как марионеткой [Schmidt, 2004, S.180–185].

Но ситуация кризиса осмысляется в модерне не только негативно, но и продуктивно, как «болезнь к жизни» – переломный момент, заключающий в себе потенциал нового развития. «Где опасность, там растет и спасение», – говорит Фридрих Гёльдерлин (Johann Friedrich Hölderlin, 1770–1843). Именно кризисные времена породили антропологические утопии, призванные вернуть человеку утраченное достоинство автономной и творческой личности: гуманность (И.Г. Гердер), трансцендентальный субъект (И. Кант), Я (И.Г. Фихте), сверхчеловек (Ф. Ницше), самость (К.Г. Юнг), присутствие (М. Хайдеггер).

В ряд таких утопистов-антропологов следует вписать также имя немецкого археолога и писателя Августа Юлиуса Лангбена (Julius Langbehn, 1851–1907), автора нашумевшей книги «Рембрандт как воспитатель» (*Rembrandt als Erzieher*, 1890). Опубликованная анонимно в 1890 г., эта книга стремительно стала общенациональным бестселлером, а за последующие полвека выдержала около сотни изданий.

Ее сенсационный успех, правда, сомнительного свойства, ибо большинство идей этой книги нельзя признать оригинальными. Лангбен – эпигон немецкой культурфилософской традиции, но вместе с тем, безусловно, ее талантливый популяризатор. Из фрагментов национального мифа Лангбен создает собственный миф о Германии, немецком национальном характере и путях его развития. Идеи умов более глубоких он упрощает, но зато делает общедоступными, превращая поэтические образы своих предшественников в непреложные схемы. Поэтому разговор об этой книге подразумевает обращение к немецкой культурной традиции, идеи которой, зачастую в виде готовых клише и мифологем, эксплицитно и имплицитно образуют ее подтекст и контекст.

Вслед за Ф. Ницше (1844–1900) Лангбен констатирует декаданс современной культуры, взаимное отчуждение природы и духа, следствием которого стало, с одной стороны, варварство массового, а с другой – бесплодный интеллектуализм теоретического человека [Langbehn, 1890, S. 2].

Переход от вырождения к возрождению призван осуществить новый целостный человек, воспитание которого является, по Лангбену, главной задачей современной эпохи. Образ такого человека следует искать не в настоящем, а в прошлом – в Реформации, давшей толчок

как политическому, так и культурному развитию всего северогерманского ареала. «Точками кристаллизации» германского национального кода стали, с одной стороны, политики – Т. Кромвель, Фридрих II Великий, О. фон Бисмарк, Х. фон Мольтке и др., а с другой стороны, деятели культуры – А. Дюрер, У. Шекспир, Ф. Бэкон, И.С. Бах, Г.Ф. Гендель, И.В. Гёте, Ф. Ницше и др. [Langbehn, 1890, S. 6].

Уже с первых страниц своей книги Лангбен воспроизводит мифологему о дуализме немецкой души, расколотой между внешним и внутренним, политикой и культурой. Этот дуализм, по Лангбену, отражает само географическое положение Германии, расположенной между Западом и Востоком. Ее мифологическое пространство зиждется на взаимодействии двух осей – горизонтальной и вертикальной. Первая ось, проходящая с Запада на Восток, отражает вектор немецкой *политической* экспансии, воплощенный в фигурах Фридриха Великого (1712–1786) и Бисмарка (1815–1898). Вторая – соединяет Юг и Север и отражает *духовный* вектор ее развития, которое, нарастая при приближении к Северу, достигает вершины в Рембрандте (1606–1669) и Шекспире (1564–1616) [Langbehn, 1890, S. 28].

Мифологизированной географии соответствуют мифологизированная история, которая мыслится Лангбеном в виде диалектической триады. Исток современной истории Германии образует относительное единство противоположностей (неполное тождество) – духовного и политического начала, которое впоследствии разрушается и требует нового синтеза, который будет представлять собой обновленное начало.

Воспитание нации, по Лангбену, должно быть осуществлено через *воспоминание*, то есть возвращение к истокам. Такой тип модернизации получил название *консервативной* революции. Хотя сам Лангбен этот термин не использует, но логика его рассуждений строится в русле именно этой теории. Идейным фундаментом консервативной революции стали теоретические построения И.Г. Гердера и романтиков (И.Г. Фихте, Ф. Гельдерлин, Ф. Шлегель), продолженные в XIX в. «несвоевременными размышлениями» Ф. Ницше [Дугин, 1994]. Согласно идеи консервативной революции, обновление мира должно произойти путем возрождения традиционных ценностей культуры. Подобно тому, говорит Лангбен, как гётеvский Faust в поисках своего будущего сходит к праматерям, современный немец должен обратиться к первоистокам национальной культуры [Langbehn, 1890, S. 6].

Главная роль в деле духовного возрождения отводится искусству. Поэтому подлинным прообразом нового человека для Лангбена является все же не богослов Лютер, а художник Рембрандт. Продолжая традицию романтиков и Ницше, Лангбен исповедует идею эстетического оправдания мира, подчеркивает антитезу между мышлением и созерцанием, рассудком и творчеством, наукой и искусством. Лейтмотивом книги являются рассуждения о рационализме, сциентизме и прагматизме современности, о преобладании интеллекта над созерцанием, подмене опосредованного опытом мысли непосредственного опыта жизни. Непосредственное восприятие жизни в полной мере может дать только искусство – эстетически окрашенный антиинтеллектуализм становится у Лангбена философской программой воспитания личности.

За рассуждениями Лангбена о приоритете жизни над мыслью, а искусства над наукой кроется исконно немецкая антитеза культуры и цивилизации, также восходящая к истокам немецкого модерна. Эта антитеза возникла в среде бурггерской интеллигенции и стала основой ее социально-культурной легитимации [Elias, 2005, Bd. 11, S. 34–56].

Все внутреннее, животворное, творческое, возвышенное, истинно духовное и религиозное принадлежит культуре, а все внешнее, механическое, поверхностное, профанное, подражательное, техническое, омертвленное – цивилизации. Человек культуры – это внутренний человек, формирование которого должно стать главной целью образования. На воспитание такого человека была направлена реформами немецкого университета, у истоков которой стояли И. Кант (1724–1804) и Ф. фон Гумбольдт (1767–1835) [Borchmayer, 2019, S. 678–726]. «Образование и развитие личности, – писал Гумбольдт, – это элементы культуры, в то время как чисто практические и технические вещи относятся к области цивилизации»¹ [Humboldt, 1998, S. 30].

Для обретения смысла жизни стремиться нужно к культуре, в то время как цивилизацией при всей ее полезности и практичности можно пренебречь. Культура естественна, она – дитя природы, цивилизация – порождение (порочного) общества. Кант говорит, что «наука и искусство – это культура, а всякого рода вежливость и учтивость, внешняя пристойность относятся к цивилизации», и сетует

¹ Здесь и далее, если не указано иначе, перевод автора статьи. – A.B.

на то, что современное общество плохо отличает одно от другого [Кант, 1966, т. 6, с. 18].

Искони Германия считала себя страной культуры, а воплощением цивилизации – романский мир, прежде всего Францию. Антитезой немецкой культуры и французской цивилизации открывается программное эссе Р. Вагнера (Wilhelm Richard Wagner, 1813–1883) «Немецкое искусство и немецкая политика» (*Deutsche Kunst und deutsche Politik*, 1868), написанное незадолго до франко-пруссской войны (1868). Франция для Вагнера – страна цивилизации, что значит – бездуховного материализма, выборной демократии, финансовой олигархии, которые стали симптомами европейского декаданса, но будут преодолены немецкой культурой [Wagner, 1868, S. 112].

Антитеза немецкой культуры и французской цивилизации особенно подчеркивалась во время Первой мировой войны. Так, в «Размышлениях аполитичного» (*Betrachtungen eines Unpolitischen*, 1918) Т. Манн (Thomas Mann, 1875–1955) пишет: «Немецкое – это культура, душа, свобода, искусство, а не цивилизация, общество, выборное право, литература» [Манн, 2015, с. 30]. Сочувствующего Франции брата Генриха (Heinrich Mann, 1871–1950) Томас Манн презрительно называет «литератором цивилизации» [Манн, 2015, с. 49]. Антитеза культуры и цивилизации красной нитью проходит сквозь книгу Лангбена и образует скрытый мифологический подтекст его рассуждений.

Подлинное искусство всегда национально, в то время как наука, стремясь к объективности, склонна игнорировать национальную принадлежность. Воспитателя немецкой нации Рембрандта Лангбен называет «самым немецким из всех немецких художников» [Langbehn, 1890, S. 9]. То обстоятельство, что Рембрандт был не немцем, а голландцем, автора книги не смущает, ибо, с его точки зрения, политические границы не совпадают с духовными, а духовно Рембрандт является высшим воплощением «немецкости», «прототипом немецкого художника» [Langbehn, 1890, S. 9].

В чем же состоит эта «немецкость»? Она состоит в принципе индивидуализма. Рембрандт является самым немецким потому, что глубже остальных воплощает этот принцип. Он чужд всякой подражательности, неподвижной определенности, схематичной нормативности.

Однако индивидуализм, будучи исконно национальной чертой, в настоящий момент остается только далеким идеалом, который не дан, а *задан*. В обретении этого идеала состоит задача национального образования. Для доказательства своей идеи Лангбен предпринимает экскурс в область немецкой национальной мифологии, варьируя идеи своих предшественников – от Гёте до Ницше.

Исходным пунктом рассуждений Лангбена является мифогема об исконном дуализме немецкой души. Еще Ф. Ницше писал, что главное свойство немецкой души – эксцентричность, разорванность, хаотичность, противоречивость. Немецкая душа пребывает в вечном движении, становлении. Политический хаос и лингвистическая вариативность Германии – только следствия внутреннего хаоса немецкой души. И наоборот, пресловутые качества немецкого характера – аккуратность, пунктуальность, вежливость – только маски, скрывающие этот хаос от внешнего мира [Ницше, 1990, т. 2, с. 364; Langbehn, 1890, S. 10].

О гётеевском Fauste можно не знать ничего, но строки «*Aх, две души живут в моей груди / и обе не в ладах друг с другом*» знают все. Немцу, утверждает Лангбен, свойственно, с одной стороны, дикое варварство, а с другой – абстрактный гуманизм; с одной стороны, профессиональная ограниченность, а с другой – космополитический универсализм. Поэтому задачей национального воспитания всегда были поиски гармонизации хаоса и примирения противоречий. Этой задаче интуитивно подчинялась вся немецкая культура. Адекватно выразить сущность немецкого характера были способны только такие духовные формы, которые отражали противоречивость. Ницше писал, что контрапункт Баха (1685–1750), диалектика Гегеля (1770–1831), учение о цвете Гёте, лейтмотив Вагнера – это не только вершинные достижения немецкой культуры, но еще и формы самовыражения противоречивого немецкого духа, который само противоречие возвел в систему [Ницше, 1990, т. 2, с. 364].

На почетное место в этом ряду, безусловно, претендует и «светотени мученик Рембрандт» (О. Мандельштам), ощущивший и запечатлевший на своих полотнах весь изменчивый диапазон колебаний немецкой души от самых сумрачных и дьявольских до самых светлых и возвышенных. В своей живописи он сумел показать чудо явления света из тьмы и его поглощение мрачными глубинами, тайну рождения личного из сверхличного, рационального из сверхрационального или, используя выражение современника Рембрандта мистика Я. Бёме (Jakob Böhme, 1575–1624), «откровение

безосновности в основе» [Гучинская, 1997, с. 112]. Эту тайну соединения света и тьмы в живописи Рембрандта, как никто другой, сумел выразить Осип Мандельштам (1891–1938):

Простишь ли ты меня, великолепный брат
И мастер и отец черно-зеленой темы, –
Но око соколиного пера
И жаркие ларцы у полночи в гареме
Смущают не к добру, смущают без добра
Мехами сумрака взволнованное племя
[Мандельштам, 1990, т.1, с. 258].

«Великолепным братом» Рембрандта в книге Лангбена выступает, правда, не Осип Мандельштам, а Барух Спиноза (Baruj Espinosa, 1632–1677). Рембрандт изобразил на своих холстах то, что Спиноза выразил в своей философии: смысловой аналогией рембрандтовской светотени является субстанция Спинозы, Бог-природа, открывающий себя в мире через атрибуты протяженности и умопостигаемости [Langbehn, 1890, S. 49–50].

Эта антиномическая сущность рембрандтовской живописи, выражаяющая себя через парадокс светотени, не раз привлекала к себе философов и искусствоведов [Horníčková, 2004, р. 427–434]. Неясность, глубина, динамика, открытость – все те качества, которые впоследствии Г. Вёльфлин (Heinrich Wölfflin, 1864–1945) будет атрибутировать (барочному) немецкому искусству в целом, покрпнуты из подобных интуитивных аналогий.

Рембрандт как представитель ренессансно-барочной культуры был целостной личностью, внутренний свет которой еще не замыкался в себе, а освещал все вещи мира. Мистицизм Рембрандта гармонично сочетался с его бюргерской жизнерадостностью, бытовой практичностью, любовью к еде и питью, чувственными радостями. Потребность во внутренней свободе сочеталась с потребностью и в свободе внешней, погруженность в ремесло художника – с интересом к политической борьбе фламандских гёзов.

Однако после Рембрандта единство внешнего и внутреннего мира начинает постепенно распадаться. Внутренний мир начал претендовать на автономию и противопоставил себя миру внешнему. Медиумом, воплощающим внутренний мир человека, становится не живопись, а музыка, искусство всецело внутреннее. Этика Канта постулировала свободу прежде всего как не зависящее от внешних обстоятельств имманентное свойство личности. Трагическую

историю этого процесса описал, в частности, Т. Манн в статье «Германия и немцы» (*Deutschland und die Deutschen*, 1945). «Общая человеческая энергия начинает распадаться на абстрактно-спекулятивный и общественно-политический элемент при полнейшем преобладании первого над вторым» [Манн, 1960, т. 10, с. 309]¹.

Все внешнее – политика, общественная деятельность, социальная активность и даже война – начинают осознаваться как занятия недостойные для человека духа. Они объявлены относящимися к области цивилизации, а не культуры. В данном случае программным является стихотворение Ф. Шиллера «Немецкое величие» (*Deutsche Größe*, 1797):

Доблесть немца и величье –
Не в неправде ратных дел.
Битвы против заблуждений,
Чваных, злобных обольщений,
Мир духовных достижений –
Вот достойный нас удел!²

(Перевод Н. Славянинского)

Величие немца Шиллер видит не в военных победах, но в служении истине и красоте, немцы должны не гнаться за военными триумфами, а гордиться званием народа философов и поэтов.

Р. Вагнер завершает свою комическую оперу «Нюрнбергские мейстерзингеры» (*Die Meistersinger von Nürnberg*, 1861–1867) такими словами:

Тогда пускай
падет священный Рим:
мы всё же сохраним
святой искусства край!³ (Перевод В. Коломийцова)

¹ Т. Манн приводит и слова Бальзака: «Если немцы и не умеют играть на великих инструментах свободы, зато они от природы умеют играть на всех музыкальных инструментах» [Манн, 1960, т. 10, с. 309]. (Прим. – А.В.)

² *Das ist nicht des Deutschen Größe*
Obzusiegen mit dem Schwert
In das Geisterreich zu dringen.
Vorurteile zu besiegen,
Männlich mit dem Wahn zu kriegen.

Das ist seines Eifers Wert [Schiller, 1978, S. 200–201].

³ <...> *zerging 'in Dunst*
das heilige römische Reich,

Произносящий у Вагнера эти слова Ганс Сакс подразумевает под Римом Священную Римскую империю германской нации. Если империи и суждено погибнуть, то «святое немецкое искусство» независимо от внешних обстоятельств продолжит свой подъем.

Такова была логика идеализма. Однако после политического объединения Германии военные победы, по мнению Лангбена, нужно дополнить духовными победами. За «военным Седаном» должен последовать «Седан духовный» [Langbehn, 1890, S. 144]. «Искусство и война, – говорит он, – это две стороны характера немецкого народа. Сумрачная война и радостное искусство в совокупности образуют светотень немецкого будущего» [Langbehn, 1890, S. 156]. Задача современного образования состоит в том, чтобы вновь соединить свет и тьму, искусство и войну, иными словами, соединить Гёте и Бисмарка. Исполнить эту историческую миссию сможет новый человек, которого Лангбен называет «тайным императором» (см. также: [Schmidt, 2004, Bd. 2, S. 188–193]).

Образ «тайного императора», с одной стороны, инспирирован мифом о Барбароссе (1122–1190), а с другой – предвосхищает возникшую несколько позднее концепцию «тайной Германии», связанную со Стефаном Георге (Stefan George, 1868–1933) и его кругом. Тайный император – это духовный вождь, которого Лангбен наделяет лучшими качествами немецкого характера – верностью, скромностью, серьезностью. Его отличают неизвестность, внешняя неяркость, которая, однако, только подчеркивает излучаемый им внутренний свет. Его приход будет тихим [Langbehn, 1890, S. 273]. Лангбен использует библейскую аналогию: Бог в своей потаенной сущности открывается не в громе и молнии, а в веянии тихого ветра, каким Он предстал пророку Илии¹. Тайный император вновь соединит культуру и политику, власть и народ.

Эстетическим антиподом Рембрандта выступает у Лангбена Рихард Вагнер, который воплощает идею внешней власти, эмоционального подавления и захвата. Поэтому Лангбен называет его не по-немецки *kaiser*, а по-французски – *empereur*. Вагнер любит внешние эффекты, он подавляет, в нем нет скромности, его голос слишком громок. Вот почему «веяние тихого ветра» – главная интонация

uns bliebe gleich

die heilige deutsche Kunst! (Цит. по: [Borchmeyer, 2019, S. 766]).

¹ После землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра (3 Цар: 19: 12).

немецкого искусства [Langbehn, 1890, S. 268–269; Borchmayer, 2019, S. 312]. Возвещением антропологической утопии одухотворенной плоти, воплощением которой станет тайный император, завершается книга о Рембрандте.

Как иронически отмечает Й. Шмидт (Joseph Schmidt, 1904–1942), взрыв популярности книги был сопоставим с эпидемией. Книга стала культовой в широких кругах немецкой националистически настроенной буржуазии, успех которой сопоставим с «Закатом Европы» (*Der Untergang des Abendlandes*, 1918, 1922) О. Шпенглера (Oswald Spengler, 1880–1936). Сам автор удостоился аудиенции и похвалы кайзера. Однако в кругах либеральных отношения как к самой книге, так и к получившему в ней выражение консервативному духу колебалось от полного отрицания до язвительной сатиры, самым известным примером которой стал роман Г. Манна «Верноподданный» (*Der Untertan*, 1918) [Schmidt, 2004, Bd.2, S. 192–193].

В заключение я хотел бы остановиться на одном русском примере интерпретации немецкой культуры, который созвучен книге Лангбена тем, что в нем история немецкого духа тоже анализируется как эволюция индивидуальности, хотя выводы из этого анализа сделаны совсем другие.

Вскоре после начала Первой мировой войны русский философ В.Ф. Эрн (1882–1917) пишет статью «От Канта к Круппу» (1914), вошедшую в изданную через год брошюру «Меч и Крест» (1915). Несмотря на то, что брошюра будет иметь подзаголовок «Статьи о современных событиях», сами современные события для Эрна являются только поводом для философского разговора, так как «германская война» (как Первую мировую войну называли в России) – это лишь внешнее, но закономерное проявление внутренней эволюции индивидуалистического германского духа.

Орудия Круппа, по Эрну, являются логическим завершением трансцендентальной философии Канта, которая дает человеку опасную иллюзию абсолютной власти над миром явлений, наделяет его правом не только созидания, но и разрушения мира. Вот почему пушки Круппа – прямое следствие кантовской философии. В Круппе Кант додуман до своего логического конца: «энтелехийная сущность орудий Круппа совпала с глубочайшим самоопределением немецкого духа в философии Канта» [Эрн, 1991, с. 315].

Обуянный этой горделивой иллюзией человекобожества, германский дух заключил тайный пакт с милитаризмом ради порабощения мира, и за это его ожидает возмездие. Если Лангбен, мечтая

об образовании целостной «рембрандтовской личности», выступает за союз духа и политики, то Эрн видит в таком союзе источник немецкой трагедии. Почти единодушная поддержка войны немецкой интеллектуальной элитой свидетельствует о том, что между немецким духом и немецким милитаризмом изначально существовал некий негласный *consensus*, некий тайный пакт. Тема дьявольского пакта отсылает к Фаусту. Если вспомнить о том, что первым художником, перенесшим тему Фауста из легенды в искусство, был Рембрандт, его фигура вновь окажется в эпицентре антропологической мифологии модерна.

Список литературы

- Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств. – Санкт-Петербург : Мирил, 1994. – 398 с.
- Гучинская Н.О. К построению поэтической теории языка // Языковая система и социокультурный контекст. – Санкт-Петербург : Тригон, 1997. – С.109–118.
- Дугин А.Г. Консервативная революция. – Москва : Арктогея, 1994. – 352 с.
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения : в 6 т. – Москва : Мысль, 1966. – Т. 6.– С. 5–23.
- Мандельштам О. Сочинения. – Москва : Художественная литература, 1990. – Т. 1. – 659 с.
- Манн Т. Германия и немцы // Манн Т. Собрание сочинений. – Москва : Художественная литература, 1960. – Т. 10. – С. 323–326.
- Манн Т. Размышления аполитичного. – Москва : АСТ, 2015. – 544 с.
- Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 2.– С. 348–406.
- Эрн В.Ф. От Канта к Круппу// Эрн В.Ф. Сочинения. – Москва : Правда, 1991. – С. 308–318.
- Borchmayer D. Was ist deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. – Berlin : Rowohlt, 2019. – 1056 S.
- Elias N. Studien über die Deutschen. Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert // Elias N. Gesammelte Aufsätze. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2005. – Bd. 11. – S. 34–56.
- Horničková K. The Rembrandtbattle: the search for national art in Weimar Germany // Umění/Art. 2004. – Vol. 52, N 5. – P. 427–434.
- Humboldt W. v. Über die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – München : Schöningh, 1998. – 556 S.
- Langbehn A.J. Rembrandt als Erzieher: von einem Deutschen. – Leipzig : Hirschfeld, 1890. – 390 S.
- Schiller F. Sämtliche Werke in fünf Bänden. Bd. 1. – Berlin; Weimar : Aufbau-Verlag, 1978. – 371 S.
- Schmidt J. Die Geschichte des Genie-Gedankens in der deutschen Literatur, Philosophie und Politik. Bd. 2. Von der Romantik bis zum Ende des Dritten Reichs. – Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2004. – 310 S.
- Wagner R. Deutsche Kunst und deutsche Politik. – Leipzig : Weber, 1868. – 112 S.

References

- Völflin, G. (1994). *Osnovnye ponyatiya istorii iskusstv*. Saint-Petersburg: Mifril.
- Guchinskaya, N.O. (1997). K postroeniyu poeticheskoy teorii yazyka. In *Yazykovaya sistema i sotsiokulturnyy kontekst* (pp. 109–118). Saint-Petersburg: Trigon.
- Dugin, A.G. (1994). *Konservativnaya revolyutsiya*. Moscow: Arktogeya.
- Kant, I. (1966). Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskem plane. In Kant, I. *Sochineniya: v 6 t.* (Vol. 6, pp. 5–23). Moscow: Mysl'.
- Mandel'shtam, O. (1990). *Sochineniya* (Vol. 1). Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Mann, T. (1960). Germaniya i nemtsy. In Mann, T. *Sobraniye sochineniy* (Vol. 10, pp. 303–326). Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Mann, T. (2015). *Razmyshleniya apolitichnogo*. Moscow: AST.
- Nietzsche, F. (1990). Po tu storonu dobra i zla. In Nietzsche, F. *Sochineniya: v 2 t.* (Vol. 2, pp. 238–406). Moscow: Mysl'.
- Ern, V.F. (1991). Ot Kanta k Kruppu. In Ern, V.F. *Sochineniya* (pp. 308–318). Moscow: Pravda.
- Borchmayer, D. (2019). *Was ist deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst*. Berlin: Rowohlt.
- Elias, N. (2005). *Studien über die Deutschen. Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert*. In Elias, N. (Ed.), *Gesammelte Aufsätze* (Bd. 11, pp. 34–56). Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Horníčková, K. (2004). The Rembrandtbattle: the search for national art in Weimar Germany. *Umění/Art*, 52(5), 427–434.
- Humboldt, W. v. (1998). *Über die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. München: Schöningh.
- Langbehn, A.J. (1890). *Rembrandt als Erzieher: von einem Deutschen*. Leipzig: Hirschfeld.
- Schiller, F. (1978). *Sämtliche Werke in fünf Bänden* (Bd. 1). Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag.
- Schmidt, J. (2004). *Die Geschichte des Genie-Gedankens in der deutschen Literatur, Philosophie und Politik* (Bd. 2). Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- Wagner, R. (1868). *Deutsche Kunst und deutsche Politik*. Leipzig: Weber.

Об авторе

Вольский Алексей Львович – доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург, volskij@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-2274-9667

About the author

Volskiy Alexey L'vovich – Doctor of Sciences (Philology), professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, Saint Petersburg, volskij@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-2274-9667